
ГЛАВА ВТОРАЯ
**ОПРЕДЕЛЕННЫЕ СУЩНОСТИ
ИЛИ РЕФЛЕКТИВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ**

Рефлексия есть определенная рефлексия; тем самым сущность есть *определенная сущность* (Wesenheit).

Рефлексия есть *видимость сущности внутри самой себя*²⁹. Сущность как бесконечное возвращение в себя есть не непосредственная простота, а отрицательная; сущность — это движение через различные моменты, абсолютное опосредствование с собой³⁰. Но она имеет видимость в этих своих моментах; поэтому они сами рефлексированные в себя определения.

Сущность — это, *во-первых*, простое соотношение с самой собой, чистое *тождество*. Это то ее определение, согласно которому она скорее есть отсутствие определений.

Во-вторых, подлинное определение — это *различие*, и притом отчасти как внешнее или безразличное различие, *разность* вообще, отчасти же как противоположная разность, или как *противоположность*.

В-третьих, как *противоречие* противоположность рефлексивируется в самое себя и возвращается в свое *основание*.

П р и м е ч а н и е
[Рефлексивные определения в форме
положений]

Рефлексивные определения обычно брались ранее в *форме положений*, в которых о них высказывалось, что они *применимы ко всему*. Эти положения считались *общими законами мышления*, лежащими в основании всякого мышления, абсолютными в самих себе и недоказуемыми, но признаваемыми и принимаемыми непосредст-

венно и без возражения за истинные всяким мышлением, как только оно понимает их смысл.

Так, существенное определение *тождества* выражено в положении: *Все равно самому себе; $A=A$* . Или отрицательно: *A не может быть в одно и то же время A и не- A* .

Прежде всего непонятно, почему лишь эти простые определения рефлексии должны быть облечены в эту особую форму, а не также и другие категории, скажем все определенности сферы бытия. Тогда получились бы, например, следующие положения: *все есть*, *все обладает наличным бытием* и т. д.; или: *все имеет некоторое качество, количество* и т. д. Ведь бытие, наличное бытие и т. д., как логические определения, суть вообще предикаты *всего*. Категория, согласно этимологии этого слова и согласно дефиниции, данной Аристотелем³¹, есть то, что говорится, утверждается о сущем. — Однако всякая определенность бытия есть по своему существу переход в противоположное; отрицательное всякой определенности столь же необходимо, как и она сама; как непосредственным определенностям, каждой из них непосредственно противостоит другая. Поэтому если эти категории облачаются в такие положения, то появляются также и противоположные положения; и те и другие предстают как одинаково необходимые, а как непосредственные утверждения они по меньшей мере одинаково правомерны. Одно положение требовало бы тогда доказательства [своей истинности] в противоположность другому, и потому этим утверждениям уже не мог бы быть присущ характер непосредственно истинных и неопровержимых законов (Sätze) мышления.

Рефлексивные же определения не имеют качественного характера. Они определения, соотносящиеся с собой и тем самым не имеющие в то же время определенности по отношению к иному. Далее, так как это такие определенности, которые в себе самих суть *соотношения*, то в них постольку уже содержится форма предложения (Satz). Ибо предложение отличается от суждения главным образом тем, что в нем *содержание* составляет само *соотношение*, иначе говоря, содержание есть *определенное соотношение*. Суждение же переносит содержание в предикат как общую определенность, которая имеется сама по себе и отлична от своего соотношения, от простой связи. Если нам нужно превратить предложение в суж-

дение, то мы определенное содержание, когда оно, например, заключается в глаголе, превращаем в причастие, чтобы таким образом отделить друг от друга само определение и его соотношение с субъектом. Для рефлексивного же определения как рефлексированной в себя полуженности подходит форма самого предложения. — Однако, когда они высказываются как *общие законы мышления*, они нуждаются еще в некотором субъекте своего соотношения, и этим субъектом служит «все» или *A*, которое означает то же, что «все» и «всякое бытие».

С одной стороны, эта форма предложений есть нечто излишнее; рефлексивные определения должны быть рассмотрены сами по себе. Далее, в этих предложениях есть та превратная сторона, что они имеют субъектом «*бытие, всякое нечто*». Они этим снова возрождают бытие и высказывают рефлексивные определения — тождество и т. д. — о том или ином нечто как имеющееся в нем качество; [высказывают их] не в спекулятивном смысле, а в том смысле, что нечто как субъект остается в таком качестве как *сущее*, но не в том смысле, что оно перешло в тождество и т. д. как в свою истину и свою сущность.

Наконец, хотя рефлексивные определения и имеют форму равенства самим себе и потому форму несоответственности с иным и свободы от противоположения, тем не менее, как это выяснится из их более подробного рассмотрения или как это непосредственно явствует из (ап) них самих как тождества, различия, противоположения, они *определенные по отношению друг к другу*; следовательно, они этой своей формой не освобождены от рефлексии, перехода и противоречия. Поэтому те *несколько положений*, которые устанавливаются как *абсолютные законы мышления*, если рассмотреть их подробнее, *противоположны друг другу*; они противоречат друг другу и снимают одно другое. — Если все *тождественно* с собой, то оно не *разно*, не *противоположно*, не имеет *основания*. Или если принимается, что *нет двух одинаковых вещей*, т. е. что все *разнится* между собой, то *A* не равно *A*, то *A* также и не противоположно и т. д. Принятие любого из этих положений не допускает принятия других. — При бездумном рассмотрении этих положений они просто перечисляются *одно за другим*, так что они являют себя не соотнесенными друг с другом; такое рассмотрение имеет в виду

лишь их рефлексированность в себя, не принимая во внимание другого их момента — *положенности* или их *определенности*, как таковой, которая вовлекает их в переход и в их отрицание.

А. ТОЖДЕСТВО

1. Сущность есть простая непосредственность как снятая непосредственность. Ее отрицательность есть ее бытие; она равна самой себе в своей абсолютной отрицательности, в силу которой инобытие и соотношение с иным сами в себе совершенно исчезли в чистом равенстве самому себе. Сущность есть, следовательно, простое *тождество с собой*³².

Это тождество с собой есть *непосредственность* рефлексии. Оно не такое равенство с собой, как *бытие* или *ничто*, а такое, которое устанавливает себя как единство, причем это установление есть не восстановление из чего-то иного, а чистое спонтанное и внутреннее установление; *существенное* тождество. Поэтому оно не *абстрактное* тождество, иначе говоря, не возникло через относительное подвергание отрицанию, которое происходило бы вне его и лишь отделило бы от него то, что от него отлично, в остальном же оставило бы это отличное по-прежнему как *сущее*. Нет, бытие и всякая определенность бытия сняли себя не относительно, а в себе самих, и эта простая отрицательность бытия в себе и есть само тождество.

Поэтому тождество есть еще вообще то же самое, что и сущность.

Примечание 1 [Абстрактное тождество]

Мышление, держащееся в рамках внешней рефлексии и не знающее ни о каком другом мышлении, кроме внешней рефлексии, не доходит до познания тождества в том понимании, как оно только что было сформулировано, или, что то же самое, до познания сущности. Такое мышление всегда имеет перед собой лишь абстрактное тождество и вне его и наряду с ним — различие. Оно полагает, что разум есть не более как ткацкий станок, на котором основа — скажем тождество — и уток — различие — внешним образом соединяются и переплетаются между собой; или что разум, вновь подвергая анализу [получившуюся таким путем ткань], сперва выделяет особо тождество, а *затем*

опять-таки сохраняет *наряду с ним также и различие*, сначала отождествление, а *затем опять-таки и различие*: отождествление, поскольку *абстрагируются* от различия, и различие, поскольку *абстрагируются* от отождествления. — Нужно оставить совершенно в стороне эти заверения и мнения о том, что делает разум, так как они до некоторой степени имеют лишь *историческое значение*; и скорее рассмотрение всего, что есть, *в нем самом* показывает, что оно в своем равенстве с собой неравно себе и противоречиво, а в своей разности, в своем противоречии тождественно с собой и что в нем самом совершается это движение перехода одного из этих определений в другое; и это именно потому, что каждое из них есть в самом себе противоположность самому себе. Понятие тождества — простая соотносящаяся с собой отрицательность — не есть продукт внешней рефлексии, оно образовалось в самом бытии. Напротив, то тождество, которое находится вне различия, и то различие, которое находится вне тождества, суть продукты внешней рефлексии и абстракции, произвольно задерживающейся на этой точке безразличной разности.

2. Это тождество есть прежде всего сама сущность, а еще не ее определение, есть вся рефлексия, а не различенный ее момент. Как абсолютное отрицание оно отрицание, непосредственно отрицающее само себя; небытие и различие, исчезающее в своем возникновении, иначе говоря, различие, которым ничего не различается, но которое непосредственно совпадает внутри самого себя. Различение есть полагание небытия как небытия иного. Но небытие иного есть снятие иного и, стало быть, самого различения. Однако в таком случае различие имеется здесь как соотносящаяся с собой отрицательность, как небытие, которое есть небытие самого себя, небытие, которое имеет свое небытие не в ином, а в себе самом. Имеется, следовательно, соотносящееся с собой, рефлексированное различие, или чистое, *абсолютное различие*.

Иначе говоря, тождество есть рефлексия в само себя, которая такова лишь как внутреннее отталкивание, а это отталкивание есть отталкивание лишь как рефлексия в себя, отталкивание, непосредственно принимающее себя обратно в себя. Тем самым тождество есть тождество как тождественное с собой различие. Но различие тождественно с собой лишь постольку, поскольку оно не тождество,

а абсолютное нетождество. Но нетождество абсолютно постольку, поскольку оно не содержит ничего из своего иного, а содержит только само себя, т. е. поскольку оно абсолютное тождество с собой.

Следовательно, тождество есть *в самом себе* абсолютное нетождество. Но оно также и *определение* тождества в противоположность нетождеству. Ибо как рефлексия в себя оно полагает себя как свое собственное небытие; оно целое, но как рефлексия оно полагает себя как свой собственный момент, как положенность, возвращение из которой в себя и есть оно. Лишь таким образом, лишь как момент оно тождество, как таковое, как *определение* простого равенства с самим собой в противоположность абсолютному различию.

Примечание 2

[Первый исходный закон мышления:
положение о тождестве]

В этом примечании я подробнее рассмотрю тождество как *положение о тождестве*, которое обычно приводится как *первый закон мышления*.

Это положение в его положительном выражении $A=A$ есть прежде всего не более как выражение пустой *тавтологии*. Было поэтому правильно отмечено, что этот закон мышления *бессодержателен* и ни к чему дальнейшему не ведет. Таково то пустое тождество, за которое продолжают крепко держаться те, кто принимает его, как таковое, за нечто истинное и всегда утверждает: тождество не есть разность, тождество и разность разны. Они не видят, что уже этим они говорят, что *тождество есть нечто разное*, ибо они говорят, что *тождество разнится* от разности; так как они должны в то же время согласиться, что природа тождества именно такова, то из этого вытекает, что тождество не внешне, а в самом себе, в своей природе таково, что оно разное. — Далее, однако, придерживаясь этого неподвижного тождества, имеющего свою противоположность в разности, они не видят, что они тем самым делают его односторонней определенностью, которая, как односторонняя, лишена истинности. Они признают, что положение о тождестве выражает лишь одностороннюю определенность, что оно содержит лишь *формальную, абстрактную, неполную истину*³³. — Но из этого правильного суж-

дения непосредственно вытекает, что *истина достигает полноты лишь в единстве тождества с разностью* и тем самым состоит только в этом единстве. Так как утверждают, что указанное неподвижное тождество несовершенно, то [очевидно, что] эта целокупность, в сравнении с которой тождество несовершенно, предстает перед мыслью как нечто совершенное. Но так как, с другой стороны, тождество фиксируется как абсолютно отделенное от разности и в этой отделенности принимается за нечто существенное, значимое, истинное, то в этих противоречащих друг другу утверждениях следует усмотреть только одно — неспособность связать эти две мысли: мысль о том, что тождество как абстрактное тождество существенно, и мысль о том, что оно, как таковое, также и несовершенно, — отсутствие сознания об отрицательном движении, каковым в этих утверждениях изображается само тождество. — Иначе говоря, утверждая, что тождество есть *существенное тождество как разъединенность с разностью или в разъединенности с разностью*, непосредственно высказывают истину тождества, [а именно] что оно состоит в том, чтобы быть *отделенностью*, как таковой, или быть по своему существу *в отделенности*, т. е. чтобы быть *не чем-то самостоятельным* (für sich), а *моментом отделенности*.

Что же касается дальнейшего подтверждения абсолютной *истинности положения* о тождестве, то оно основывается на *опыте* постольку, поскольку ссылаются на опыт каждого сознания, которое, дескать, как только ему высказывают это положение — *A есть A, дерево есть дерево*, тотчас же соглашается с ним и удовлетворяется тем, что это положение как непосредственно ясное само собой не нуждается ни в каком другом обосновании и доказательстве.

С одной стороны, эта ссылка на опыт, что-де всякое сознание повсеместно признает это положение, есть просто фраза. Ибо этим не хотят сказать, что эксперимент с абстрактным положением $A=A$ проделали с каждым сознанием. Постольку эта ссылка на действительно произведенный опыт несерьезна, она лишь *уверение*, что если бы произвели такой опыт, то в результате получилось бы всеобщее признание. — Если же оказалось бы, что имеют в виду не абстрактное положение, как таковое, а это положение в *конкретном применении*, из которого абстрактное положение должно еще быть *развито*, то указанное

утверждение о его всеобщности и непосредственности состояло бы в том, что всякое сознание, и притом в любом своем высказывании, *кладет* его в *основание*; иначе говоря, что оно *скрыто* содержится в любом высказывании. Но ведь *конкретное* и *применение* именно и состоят в *соотношении* простого *тождественного* с *чем-то* *отличным* от него *многообразным*. Выраженное как положение, конкретное было бы прежде всего синтетическим положением. Правда, из самого конкретного или из синтетического положения, выражающего его, абстракция могла бы вывести посредством анализа положение о тождестве; но на самом деле она не оставила бы *опыт* таким, какой он есть, а *изменила* бы его, ибо *опыт* содержал скорее тождество в единстве с разностью и есть *прямое опровержение* утверждения, будто абстрактное тождество, как таковое, есть нечто истинное, ибо во всяком опыте встречается прямо противоположное этому, а именно тождество, лишь соединенное с разностью.

Но с другой стороны, опыт с чистым положением о тождестве осуществляется даже весьма и весьма часто, и в этом опыте достаточно ясно обнаруживается, как смотрят на истину, которую оно содержит. А именно, если, например, на вопрос, *что такое растение*, отвечают: *растение — это растение*, то все общество, на котором проверяется истинность такого рода положения, в одно и то же время и признает ее, и столь же единодушно заявляет, что этим *ничего* не сказано. Если кто-нибудь открывает рот и обещает указать, что такое бог, а затем говорит: бог есть бог, то ожидания обмануты, так как ждали некоторого *особого* (*verschiedene*) *определения*; и если это положение есть абсолютная истина, то, значит, такая абсолютная болтовня ценится весьма низко; ничто не считается более скучным и тягостным, чем разговор, пережевывающий лишь одно и то же, чем подобная речь, которую тем не менее считают истиной.

При ближайшем рассмотрении этой скуки, вызываемой такой истиной, мы видим, что началом «растение есть — » собираются *что-то* сказать, привести какое-то дальнейшее определение. Но так как затем лишь повторяется то же самое, то произошло скорее обратное: получается *ничего*. Такая *отождествляющая* (*identisches*) речь *противоречит*, следовательно, *самой себе*. Тождество, вместо того чтобы быть в самом себе истиной, и абсолютной истиной, есть

поэтому скорее нечто обратное; вместо того чтобы быть неподвижным простым (*das unbewegte Einfache*), оно выхождение за свои пределы к самораспаду.

В той *форме предложения*, в которой выражено тождество, заключается, следовательно, *более* чем простое, абстрактное тождество³⁴. В ней заключается то чистое движение рефлексии, в котором иное выступает лишь как видимость, как непосредственное исчезание. «*A* есть» — это начало, при котором представляется нечто разное, к чему следовало бы прийти, но до разного дело не доходит; *A* есть... *A*; разность есть лишь исчезание; движение возвращается в само себя. — На форму предложения можно смотреть как на скрытую необходимость присовокупить к абстрактному тождеству еще что-то в виде указанного движения. — Таким образом присовокупляется также некоторое *A*, или растение, или какой-нибудь другой субстрат, который как бесполезное содержание не имеет никакого значения; но это содержание составляет ту разность, которая по видимости случайно сюда присовокупилась. Если вместо *A* и всякого другого субстрата берут само тождество — «тождество есть тождество», то и в этом случае признается, что вместо него можно равным образом брать любой другой субстрат. Поэтому если уж ссылаться на то, что показывает явление, то оно показывает, что в выражении тождества непосредственно встречается и разность. Или выразим это, согласно предыдущему, определеннее: оно показывает, что это тождество есть ничто, что оно отрицательность, абсолютное отличие от самого себя.

Другое выражение положения о тождестве — *A не может быть в одно и то же время A и не-A* — имеет отрицательную форму; оно называется *положением о противоречии*. Обычно нельзя доказать правомерность присоединения к тождеству *формы отрицания*, которой это положение отличается от предыдущего. — Но эта форма состоит в том, что тождество как чистое движение рефлексии есть простая отрицательность, которую приведенное второе выражение положения содержит в более развитом виде. Высказывается *A* и *не-A*, чисто иное этого *A*; но *не-A* появляется только для того, чтобы исчезнуть. Тождество, следовательно, выражено в этом положении как отрицание отрицания. *A* и *не-A* различены; эти различенные соотношены с одним и тем же *A*. Тождество, следовательно,

представлено здесь как *эта различенность в одном соотношении или как простое различие в них же самих*³⁵.

Из этого явствует, что само положение о тождестве, а еще больше положение о противоречии имеют не только *аналитическую*, но и *синтетическую* природу. Ибо положение о противоречии содержит в своем выражении не только пустое, простое равенство с собой и не только *вообще иное* этого равенства, но даже *абсолютное неравенство, противоречие в себе*. Само же положение о тождестве содержит, как было относительно него показано, рефлексивное движение, тождество как исчезание инобытия.

Из этого рассмотрения следует, *во-первых*, что положение о тождестве или противоречии, долженствующее выразить как истину лишь абстрактное тождество в противоположность различию, есть не закон мышления, а скорее нечто ему противоположное; *во-вторых*, что эти положения содержат *больше*, чем ими *хотят сказать*, а именно содержат эту противоположность, само абсолютное различие.

В. РАЗЛИЧИЕ

1. Абсолютное различие

Различие — это отрицательность, присущая рефлексии в себя; ничто, высказываемое отождествляющей речью; существенный момент самого тождества, которое как отрицательность самого себя в одно и то же время определяет себя и различен от различия.

1. Это различие есть различие *в себе и для себя, абсолютное различие, различие сущности*. — Оно различие в себе и для себя, не различие через нечто внешнее, а *соотносящееся с собой*, следовательно, *простое различие*. — Важно понимать абсолютное различие как *простое различие*. В абсолютном различии между *A* и *не-A* именно *простое «не»*, как таковое, и составляет это различие. Само различие есть простое понятие. Две вещи, как говорят, *различны между собой тем*, что они и т. д. — «*Тем*» означает: в одном и том же отношении, при одном и том же основании определения. Это различие есть *различие рефлексии*, а не *инобытие наличного бытия*. Одно наличное бытие и другое наличное бытие положены как находящиеся друг вне друга (*aussereinanderfallend*); каждое наличное бытие, определенное по отношению к другому, имеет отдельное *непосредственное бытие*. Напротив, *иное*

сущности есть иное в себе и для себя, а не иное как иное чего-то другого, находящегося вне его; простая определенность в себе. Также и в сфере наличного бытия инобытие и определенность оказались той же природы, простой определенностью, тождественной противоположностью; но это тождество обнаружилось лишь как *переход* одной определенности в другую. Здесь же, в сфере рефлексии, различие выступает как рефлексированное различие, положенное так, как оно есть в себе.

2. Различие в себе есть соотносящееся с собой различие; таким образом, оно отрицательность самого себя, отличие не от иного, а *себя от самого себя*; оно есть не оно само, а свое иное. Различное же от различия есть тождество. Различие, следовательно, есть само же оно и тождество. Оба вместе составляют различие; оно целое и его момент. — Можно также сказать, что различие как простое не есть различие; оно различие лишь в соотношении с тождеством, но вернее будет сказать, что оно как различие содержит и тождество, и само это соотношение. — Различие есть целое и его собственный *момент*, так же как тождество есть целое и свой момент. — Это следует рассматривать как существенную природу рефлексии и как *определенную первопричину всякой деятельности и самодвижения*. — Различие, равно как и тождество, становятся *моментами* или *положенностью*, потому что, будучи рефлексией, они отрицательное соотношение с самими собой.

Различие, взятое таким образом как единство себя и тождества, есть *в себе самом определенное* различие. Оно не переход в иное, не соотношение с иным, находящимся вне его; оно имеет свое иное, тождество, в самом себе, так же как тождество, входя в определение различия, не потеряло себя в нем как в своем ином, а сохраняется в нем, есть его рефлексия в себя и его момент.

3. Различие имеет оба момента — тождество и различие; оба, таким образом, суть некоторая *положенность*, определенность. Но в этой положенности каждый момент есть *соотношение с самим собой*. Один момент, тождество, сам есть непосредственно момент рефлексии в себя; но точно так же и другой момент, различие, есть различие в себе, рефлексированное различие. Различие, имея оба этих момента, которые сами суть рефлексии в себя, есть *разность*.

2. Разность

1. Тожество *распадается* в самом себе на разность, так как оно как абсолютное внутреннее различие полагает себя как свое собственное отрицательное, и эти его моменты, само оно и его отрицательное, суть рефлексии в себя, тождественны с собой; иначе говоря, именно потому, что оно непосредственно само снимает свое отрицание и в своем определении рефлексивно в себя. Различное удерживается как безразличное друг к другу разное, так как оно тождественно с собой, так как тождество составляет его почву и стихию; иначе говоря, разное есть то, что оно есть, именно лишь в своей противоположности — в тождестве.

Разность составляет инобытие как инобытие рефлексии. Иное наличного бытия имеет непосредственное бытие своим основанием, в котором удерживается отрицательное. В рефлексии же тождество с собой, рефлексивная непосредственность, удерживает отрицательное и его безразличие.

Моменты различия — это тождество и само различие. Они разные как рефлексивные в самих себя, как соотносящиеся с самими собой; таким образом, в определении тождества они соотношения лишь с собой; тождество не соотносено с различием, и различие не соотносено с тождеством; поскольку, следовательно, каждый из этих моментов соотносен лишь с собой, они не определены по отношению друг к другу. — Так как они, таким образом, не различены в самих себе, то различие для них внешне. Разные [моменты], следовательно, относятся друг к другу не как тождество и различие, а лишь как разные вообще, безразличные и друг к другу, и к своей определенности.

2. В разности как безразличии различия рефлексия стала вообще внешней себе; различие есть лишь некоторая положенность или дано как снятое различие, но оно само есть вся рефлексия. — При ближайшем рассмотрении оказывается, что оба, тождество и различие, как только что определилось, суть рефлексии; каждое из них есть единство самого себя и своего иного; каждое из них есть целое. Но тем самым снята [их] определенность — быть только тождеством или только различием. Они не качества, потому что их определенность через рефлексивность в себя дана в то же время только как отрицание. Имеется,

следовательно, такое двойное: *рефлексия в себя*, как таковая, и определенность как отрицание, или *положенность*. Положенность есть внешняя себе рефлексия; она отрицание как отрицание; следовательно, *в себе* она, правда, соотносящаяся с собой отрицание и рефлексия в себя, но лишь в себе; она соотношение с собой как с чем-то внешним.

Рефлексия в себе и внешняя рефлексия суть тем самым те два определения, в виде которых моменты различия, тождество и различие, положены самими собой. Они самые эти моменты, поскольку они теперь определились. — *Рефлексия в себе* есть тождество, но определенное как безразличное к различию, [т. е.] не лишенное вовсе различия, а относящееся к нему как тождественное с собой; она *разность*. Именно тождество так рефлексировалось в себя, что оно, собственно говоря, есть *одна* рефлексия в себя обоих моментов; оба суть рефлексии в себя. Тождество есть эта одна рефлексия обоих, которая имеет в самой себе различие лишь как безразличное различие и которая есть разность вообще. — *Внешняя же рефлексия* есть их *определенное* различие не как абсолютная рефлексия в себя, а как определение, к которому сущая в себе рефлексия безразлична; оба его момента, тождество и само различие, суть, таким образом, внешне положенные, а не в себе и для себя сущие определения.

Это-то внешнее тождество есть *одинаковость*, а внешнее различие — *неодинаковость*. — *Одинаковость* есть, правда, тождество, но лишь как положенность, тождество, которое не есть в себе и для себя. — Точно так же *неодинаковость* есть различие, но как внешнее различие, которое не есть в себе и для себя различие самого неодинакового. Одинаково ли одно нечто с другим нечто или нет — это не касается ни того ни другого нечто; каждое из них соотносено лишь с собой, есть в себе и для себя то, что оно есть. Тождество или нетождество как одинаковость и неодинаковость есть внешнее им отношение чего-то третьего.

3. Внешняя рефлексия соотносит разное с одинаковостью и неодинаковостью. Это соотношение, *сравнение*, перемежаясь, идет от одинаковости к неодинаковости и от последней к первой. Но это перемежающееся соотношение одинаковости и неодинаковости внешне самим этим определениям; да они и соотносятся не друг с другом, а каждое

само по себе — лишь с чем-то третьим. В этом чередовании каждая выступает непосредственно сама по себе. — Внешняя рефлексия, как таковая, внешне самой себе; *определенное* различие есть подвергшееся отрицанию абсолютное различие; оно, стало быть, не просто, не рефлексия в себя, а имеет эту рефлексю вовне себя; его моменты поэтому распадаются и соотносятся с противостоящей им рефлексией в себя тоже как внешние друг другу.

В отчужденной от себя рефлексии одинаковость и неодинаковость появляются, стало быть, как определения, которые сами не соотнесены друг с другом, и она *разделяет* их, соотнося их с *одним и тем же* посредством [выражений] «постольку», «с той или другой стороны» и «в том или ином отношении». Следовательно, разные, которые суть одно и то же, с чем соотносятся оба определения — одинаковость и неодинаковость, *в одном отношении* одинаковы между собой, а *в другом* — неодинаковы, и, *поскольку* они одинаковы, *постольку* неодинаковы. *Одинаковость* соотносится лишь с собой, и *неодинаковость* есть также лишь неодинаковость.

Но этим своим отделением друг от друга они только снимаются. Как раз то, что должно было удержать их от противоречия и распада, а именно то обстоятельство, что нечто *в одном отношении* одинаково с чем-то иным, *в другом же отношении* неодинаково с ним, — как раз это обусловление одинаковости и неодинаковости друг от друга есть их разрушение. Ибо оба они определения различия; они соотношения друг с другом, соотношения, состоящие в том, что одно есть то, что другое не есть; одинаковое не есть неодинаковое, и неодинаковое не есть одинаковое; это соотношение принадлежит к сущности обоих, и вне его они не имеют никакого значения; как определения различия каждое из них есть то, что оно есть, как *различенное* от своего иного. Но в силу их безразличия друг к другу одинаковость соотнесена лишь с собой и неодинаковость точно так же есть сама по себе свое собственное «в том или ином отношении» (*eigene Rücksicht*) и самостоятельная (*für sich*) рефлексия; каждая, стало быть, одинакова с самой собой; различие исчезло, так как они не имеют никакой определенности по отношению друг к другу; иначе говоря, каждая есть тем самым только одинаковость.

Это безразличное «в том или ином отношении» или внешнее различие снимает, стало быть, само себя и есть своя отрицательность в себе самом. Внешнее различие есть та отрицательность, которая при сравнении присуща сравниваемому. Сравнивающее переходит от одинаковости к неодинаковости и от неодинаковости обратно к одинаковости, заставляет, следовательно, одну исчезать в другой и есть на деле *отрицательное единство обеих*. Это единство с самого начала находится по ту сторону сравниваемого, равно как и по ту сторону моментов сравнения, как субъективное, совершающееся вне их действие. Но это отрицательное единство, как оказалось, есть на самом деле природа самих одинаковости и неодинаковости. Как раз то самостоятельное «в том или ином отношении», каким оказывается каждая из них, и есть скорее их соотношение с собой, снимающее их различенность и, стало быть, их самих.

С этой стороны одинаковость и неодинаковость, как моменты внешней рефлексии и как внешние самим себе, исчезают вместе в своей одинаковости. Но это их *отрицательное* единство, далее, также и *положено* в них; а именно, они имеют *в себе* *сущую* рефлексию вне их, иначе говоря, они одинаковость и неодинаковость *чего-то третьего*, чего-то иного, нежели они сами. Таким образом, одинаковое не есть одинаковое с самим собой, и неодинаковое как неодинаковое не с самим собой, а с чем-то неодинаковым с ним, само есть одинаковое. Следовательно, одинаковое и неодинаковое есть *неодинаковое с самим собой*. Каждое из них есть, стало быть, такая рефлексия: одинаковость есть она сама и неодинаковость, а неодинаковость есть она сама и одинаковость.

Одинаковость и неодинаковость составляли сторону *положенности* по отношению к сравниваемому или разному, которое определилось по отношению к ним как *в себе сущая* рефлексия. Но это разное тем самым также утратило свою определенность по отношению к ним. Как раз одинаковость и неодинаковость, определения внешней рефлексии, суть та лишь в себе сущая рефлексия, которой должно было быть разное, как таковое, лишь неопределенное различие разного. *В себе сущая* рефлексия есть соотношение с собой без отрицания, абстрактное тождество с собой, стало быть, как раз сама положенность. — То, что только разное, вследствие положенности переходит, стало

быть, в отрицательную рефлексю. Разное есть такое различие, которое только положено, следовательно, различие, которое не есть различие, следовательно, отрицание себя в самом себе. Таким образом, сами одинаковость и неодинаковость, положенность, возвращаются через безразличие или в себе сущую рефлексю обратно в отрицательное единство с собой, в рефлексю, которая в себе самой есть различие одинаковости и неодинаковости. Разность, *безразличные* стороны которой точно так же суть всецело лишь *моменты* как моменты одного отрицательного единства, есть *противоположность*.

П р и м е ч а н и е
[Положение о разности]

Разность, подобно тождеству, выражают в особом положении. Впрочем, эти два положения оставляют в безразличной разности по отношению друг к другу, так что каждое положение признается верным само по себе, безотносительно к другому.

Все вещи разны или нет двух вещей, которые были бы одинаковы. — Это положение на самом деле противоположно положению о тождестве, ибо оно утверждает: *A* есть разное, следовательно, *A* есть также не *A*; иначе говоря: *A* неодинаково с некоторым другим [*A*]; таким образом, оно не *A* вообще, а скорее определенное *A*. В положении о тождестве вместо *A* можно поставить любой другой субстрат, но *A* как неодинаковое уже нельзя заменить любым другим. *A*, правда, должно быть чем-то разнящимся не *от себя*, а лишь *от иного*; но эта разность есть его собственное определение. Как тождественное с собой *A* оно неопределенно; а как определенное оно противоположность этому; оно уже имеет в самом себе не только тождество с собой, но и отрицание, тем самым и разность самого себя от себя.

[Положение о том], что все вещи разнятся между собой, — это совершенно излишнее положение, ибо во множественном числе слова «вещи» уже непосредственно заключается множественность и совершенно неопределенная разность. — Но положение: нет двух вещей, которые были бы совершенно одинаковы, выражает нечто большее, а именно *определенную* разность. Две вещи — это не только две (числовая множественность есть только единообра-

зие), а они разны *благодаря некоторому определению*. Положение о том, что нет двух одинаковых вещей, кажется представлению странным и, согласно анекдоту, вызвало недоумение также при одном дворе, где Лейбниц высказал его и тем побудил [придворных] дам искать среди листьев на дереве, не найдут ли они два одинаковых. — Блаженные времена для метафизики, когда ею занимались при дворе и когда не требовалось никаких других усилий для исследования ее положений, кроме сравнения листьев на дереве! — Причина, почему это положение кажется странным, кроется в сказанном выше, а именно в том, что *два* или числовая множественность еще не включает в себе *определенной* разности и что разность, как таковая, в своей абстрактности прежде всего безразлична к одинаковости и неодинаковости. Представление, начиная заниматься также и определениями, берет самые эти моменты как безразличные друг к другу, полагая, что для определения достаточно одного или другого, достаточно *простой одинаковости* вещей *без [их] неодинаковости* или что вещи разны, хотя бы они были только численно множественными, разными вообще, а не неодинаковыми. Положение же о разности гласит, что вещи разнятся между собой вследствие неодинаковости, что им в той же мере присуще определение неодинаковости, в какой и определение одинаковости, ибо лишь оба этих определения вместе составляют определенное различие.

Это положение о том, что всем вещам присуще определение неодинаковости, нуждалось бы в доказательстве; оно не может быть выдвинуто как непосредственное положение, ибо даже обычный способ познания требует для соединения разных определений в одном синтетическом положении, чтобы привели доказательство или показали нечто третье, в чем они опосредствованы. Это доказательство должно было бы показать переход тождества в разность, а затем переход разности в определенную разность, в неодинаковость. Но это обычно не делается; оказалось, что разность или внешнее различие есть в действительности рефлексированное в себя различие, различие в самом себе, что безразличное удерживание разного есть чистая положенность и тем самым не внешнее, безразличное различие, а *одно* соотношение обоих моментов.

В этом заключается также распад и ничтожность *положения о разности*. Две вещи одинаковы не полностью,

поэтому они в одно и то же время одинаковы и неодинаковы: одинаковы уже тем, что они вещи или вообще две, ибо каждая есть вещь и нечто одно, точно так же как и другая, каждая, следовательно, есть то же, что и другая; неодинаковы же они по предположению. Тем самым имеется определение, что оба момента, одинаковость и неодинаковость, разны в *одном и том же*, иначе говоря, что распадающееся различие есть вместе с тем одно и то же соотношение. Тем самым это определение перешло в *противоположение*.

Правда, это «вместе с тем» в обоих предикатах не сливает их в одно [прибавлением слова] «поскольку», [утверждением], что две вещи, *поскольку* они одинаковы, *постольку* не неодинаковы, или с одной *стороны* и в одном *отношении* одинаковы, а с другой *стороны* и в другом *отношении* неодинаковы. Этим из вещи устраняют единство одинаковости и неодинаковости, и то, что было бы ее собственной рефлексией и рефлексией одинаковости и неодинаковости в себе, фиксируется как рефлексия, внешняя самой вещи. Но ведь это означает, что именно рефлексия различает в *одной и той же деятельности* эти две стороны — одинаковость и неодинаковость, стало быть, содержит их обе в одной деятельности, позволяет одной просвечивать сквозь другую (*die eine in die andere scheitern lässt*) и рефлектирует одну в другую. — Обычное же нежничанье с вещами, заботящееся лишь о том, чтобы они не противоречили себе, забывает здесь, как и в других случаях, что таким путем противоречие не разрешается, а лишь переносится в другое место, в субъективную или внешнюю рефлексия вообще, и что последняя действительно содержит в одном единстве, как снятые и соотносенные друг с другом, оба момента, которые этим устранением и перемещением провозглашаются чистой *положенностью*³⁶.

3. Противоположность

В противоположности *определенная рефлексия*, различие, завершена. Противоположность есть единство тождества и разности; ее моменты в одном тождестве разные; в этом смысле они *противоположны*.

Тождество и *различие* суть моменты различия, заключенные внутри него самого; они *рефлексированные* мо-

менты его единства. *Одинаковость* же и *неодинаковость* — это ставшая внешней (*entäusserte*) рефлексия; тождество этих моментов с собой — это безразличие каждого из них не только к различающемуся от него, но и к в-себе-и-для-себя-бытию, как таковому, это — тождество с собой, противостоящее рефлексии в себя тождеству; следовательно, оно не рефлексированная в себя *непосредственность*. Положенность сторон внешней рефлексии есть поэтому *бытие*, так же как их неположность — *небытие*.

При более внимательном рассмотрении моментов противоположности оказывается, что они рефлексированная в себя положенность или определение вообще. Положенность — это *одинаковость* и *неодинаковость*; обе они, рефлексированные в себя, составляют определения противоположности. Их рефлексия в себя состоит в том, что каждый из них есть в самом себе единство *одинаковости* и *неодинаковости*. *Одинаковость* имеется лишь в рефлексии, которая сравнивает со стороны *неодинаковости*, и тем самым *одинаковость* опосредствована своим другим — безразличным — моментом; точно так же *неодинаковость* имеется лишь в том же рефлексии в себе соотношении, в котором имеется *одинаковость*. — Следовательно, каждый из этих моментов есть в своей определенности целое. Он есть целое, поскольку содержит и свой другой момент; но этот его другой момент есть нечто безразлично *сущее*; таким образом, каждый момент содержит соотношение со своим *небытием* и есть лишь рефлексия в себя или целое как соотносящееся по своему существу со своим *небытием*.

Эта рефлексированная в себя *одинаковость* с собой, содержащая в самой себе соотношение с *неодинаковостью*, есть *положительное*; равным образом *неодинаковость*, содержащая в самой себе соотношение со своим *небытием*, с *одинаковостью*, есть *отрицательное*. — Иначе говоря, оба [этих момента] суть *положенности*; поскольку же различная определенность берется как различное *определенное соотношение положенности с собой*, противоположность есть, с одной стороны, *положенности*, рефлексированная в свою *одинаковость с собой*, а с другой — *положенности*, рефлексированная в свою *неодинаковость с собой*, — *положительное* и *отрицательное*. — *Положительное* — это *положенности* как рефлексированная в *одинаковость с собой*; но рефлексированное есть *положенности*, т. е. отрицание как отрицание; таким образом, эта

рефлексия в себя имеет своим определением соотношение с иным. *Отрицательное* — это положенность как рефлексированная в неодинаковость. Но положенность есть сама же неодинаковость. Стало быть, эта рефлексия есть тождество неодинаковости с самой собой и абсолютное соотношение с собой. — Общим, следовательно, присущи: положенности, рефлексированной в одинаковость с собой, — неодинаковость, а положенности, рефлексированной в неодинаковость с собой, — одинаковость.

Таким образом, положительное и отрицательное — это стороны противоположности, ставшие самостоятельными. Они самостоятельны, будучи рефлексией *целого* в себя, и принадлежат к противоположности, поскольку именно *определенность* рефлексирована в себя как целое. В силу своей самостоятельности они составляют определенную *в себе* противоположность. Каждое из них есть оно же само и свое иное, и потому каждое имеет *свою определенность* не в чем-то ином, а *в себе самом*. — Каждое соотносится с самим собой, лишь соотносясь со своим иным. Это имеет две стороны: каждое есть соотношение со своим небытием как снятие внутри себя этого инобытия; таким образом, его небытие есть лишь момент внутри его. Но с другой стороны, положенность стала здесь бытием, безразличным удерживанием; содержащееся в каждом из них его иное есть поэтому также небытие того, в чем оно, как считают, содержится лишь как момент. Поэтому каждое из них имеется лишь постольку, поскольку имеется его *небытие*, и притом в тождественном соотношении.

Определения, образующие положительное и отрицательное, состоят, следовательно, в том, что положительное и отрицательное — это, *во-первых*, абсолютные *моменты* противоположности; их удерживание — это нераздельно единая рефлексия; именно в едином опосредствовании каждое из них есть через небытие своего иного, следовательно, через свое иное или через свое собственное небытие. — Таким образом, они *противоположные* вообще; иначе говоря, *каждое* из них лишь противоположно другому; одно еще не положительно, а другое еще не отрицательно, оба они отрицательны друг относительно друга. Каждое, таким образом, есть вообще, *во-первых*, постольку, *поскольку* есть *иное*; то, что оно есть, оно есть через иное, через свое собственное небытие; оно лишь *положенность*; *во-вторых*, оно есть постольку, *поскольку* *иного*

нет; то, что оно есть, оно есть через небытие иного; оно *рефлексия в себя*. — Но и то и другое, [положительное и отрицательное], суть *единое* опосредствование противоположности вообще, в котором они *суть* вообще лишь *положенные*.

Но *далее* эта чистая положенность вообще рефлексирована в себя; положительное и отрицательное в соответствии с этим моментом *внешней рефлексии безразличны* к тому первому тождеству, в котором они лишь моменты; иначе говоря, так как эта первая рефлексия есть собственная рефлексия положительного и отрицательного в самое себя и каждое есть своя положенность в самом себе, то каждое из них безразлично к этой своей рефлексии в свое небытие, к своей собственной положенности. Обе стороны суть, таким образом, только разные, и поскольку их определенность — быть положительным и отрицательным — составляет их положенность друг относительно друга, каждая [из этих сторон] так не определена в самой себе, а есть лишь определенность вообще; поэтому хотя каждой стороне присуща одна из определенностей — положительное или отрицательное, но они могут быть заменены друг другом, и каждая сторона такова, что ее можно одинаково брать и как положительную, и как отрицательную.

Но положительное и отрицательное не есть, *в-третьих*, ни одно лишь положенное, ни просто безразличное; нет, их *положенность* или *соотношение с иным в единстве*, которого они сами не составляют, *принято обратно* в каждое из них. Каждое из них в самом себе положительно и отрицательно; положительное и отрицательное — это рефлексивное определение в себе и для себя; лишь в этой рефлексии противоположного в себя оно положительно и отрицательно. Положительное имеет в самом себе то соотношение с иным, которое составляет определенность положительного; равным образом и отрицательное не есть отрицательное по отношению к иному, а также имеет в самом себе ту определенность, в силу которой оно отрицательно.

Таким образом, каждое из них есть самостоятельное, для себя сущее единство с собой. Правда, положительное есть положенность, но так, что положенность есть для него лишь положенность как снятая. Оно *непротивоположное*, снятая противоположность, но как сторона самой

противоположности. — Правда, как положительное, нечто определено в соотношении с некоторым инобытием, но так, что его природа состоит в том, чтобы не быть положенным; положительное — это рефлексия в себя, отрицающая инобытие. Но и его иное, отрицательное, само уже не положенность или момент, а есть самостоятельное бытие; таким образом, отрицающая рефлексия положительного в себя определена как *исключающая* из себя это свое *небытие*.

Точно так же и отрицательное как абсолютная рефлексия есть не непосредственное отрицательное, а отрицательное как снятая положенность; оно отрицательное в себе и для себя, положительно основывающееся на самом себе. Как рефлексия в себя оно отрицает свое соотношение с иным; его иное есть положительное, есть самостоятельное бытие; его отрицательное соотношение с последним состоит поэтому в том, что оно исключает его из себя. Отрицательное — это самостоятельно удерживающееся противоположное в противоположность положительному, которое есть определение снятой противоположности. Отрицательное — это основывающаяся на себе *вся противоположность*, противоположная тождественной с собой положенности.

Положительное и отрицательное, стало быть, положительно и отрицательно не только *в себе*, но в себе и для себя. Таково каждое из них *в себе*, поскольку абстрагируются от их исключающего соотношения с иным, и берут их, лишь исходя из их определения. Нечто положительно или отрицательно *в себе*, когда оно должно быть определено так не только *относительно иного*. Но когда положительное или отрицательное берут не как положенность и тем самым не как противоположное, каждое есть то, что непосредственно, — *бытие и небытие*. Но положительное и отрицательное — это моменты противоположности; их *в-себе-бытие* составляет лишь форму их рефлексированности в себя. Нечто положительно *в себе* вне соотношения с отрицательным, и оно *отрицательно в себе* вне соотношения с положительным³⁷; в этом определении фиксируется лишь абстрактный момент этой рефлексированности. Но *в-себе-сущее* положительное или отрицательное означает по существу своему, что быть противоположным — это не один лишь момент и не нечто относящееся к сравнению, а есть *собственное* определение сто-

рон противоположности. Следовательно, они положительны или отрицательны *в себе* не вне соотношения с иным, а так, что *это соотношение*, и притом как исключаящее, составляет их определение или в-себе-бытие; здесь, стало быть, они положительное и отрицательное также в себе и для себя.

П р и м е ч а н и е

[Противоположные величины арифметики]

Здесь следует сказать о понятии *положительного* и *отрицательного*, как оно встречается в *арифметике*. Оно предполагается в ней известным; но так как его понимают не в его определенном различии, то оно не свободно от неразрешимых затруднений и запутанности. Только что были даны оба *реальных* определения положительного и отрицательного — помимо простого понятия их противоположения, — состоящие в том, что, *во-первых*, в основании лежит лишь разное, непосредственное наличное бытие, простую рефлексию которого в себя отличают от его положенности, от самого противоположения. Поэтому противопоставление имеет силу только как не в себе и для себя сущее, и хотя оно присуще разному так, что каждый [из разных моментов] есть противоположное вообще, однако в то же время оно остается само по себе безразличным к противоположному, и все равно, какое из обоих противоположных разных [моментов] считать положительным или отрицательным. — Но *во-вторых*, положительное есть положительное само по себе, а отрицательное — отрицательное само по себе, так что эти разные [моменты] не безразличны друг к другу, а различие их есть это их определение в себе и для себя. — Обе эти формы положительного и отрицательного встречаются уже в первых определениях, в которых они применяются в арифметике.

Во-первых, $+a$ и $-a$ суть *противоположные величины вообще*: a — это лежащая в основании обеих *в-себе-сущая единица*, которая безразлична к самому противоположению и, не развивая дальше понятия, служит здесь мертвой основой. Правда, $-a$ означает отрицательное, $+a$ — положительное, но *одно* из них есть нечто *противоположное, точно так же как и другое*.

Во-вторых, a — это не только *простая*, лежащая в основании единица, но как $+a$ и $-a$ она рефлексия этих противоположных в себя; имеются *два разных a*, и

безразлично, какую из них обозначают как положительное или отрицательное; оба a удерживаются отдельно друг от друга и положительны.

Взятые как противоположные величины $+y - y = 0$; или в [выражении] $-8 + 3$ положительные 3 отрицательны в 8. Соединяясь, противоположные снимаются. Если пройден час пути на восток и точно такой же путь обратно на запад, то путь на запад снимает пройденный вначале путь; сколько есть долгов, на столько меньше имущества, и сколько есть имущества, столько же снимается долгов. Вместе с тем час пути на восток сам по себе не есть положительный путь, как и путь на запад — отрицательный; эти направления безразличны к данной определенности противоположности; лишь нечто третье — имеющееся вне их отношение — делает одно из этих направлений положительным, а другое — отрицательным. Равным образом и долги сами по себе не суть отрицательное; они таковы лишь по отношению к должнику; для займодавца они его положительное имущество; они некая сумма денег (или чего бы то ни было, обладающего определенной ценностью), которая есть долг или имущество в зависимости от внешнего им отношения.

Хотя противоположные [моменты] и снимают себя в своем соотношении, так что результат равен нулю, однако в них имеется также и *соотношение их тождества*, безразличное к самой противоположности; в этом случае они составляют *одно*. Как было упомянуто о сумме денег, она лишь одна сумма, или a есть лишь одно a и в $+a$ и в $-a$; точно так же и путь есть лишь один отрезок пути, а не два пути — один на восток, другой на запад. И ордината y одна и та же, на какой бы стороне оси мы ее ни взяли; в этом смысле $+y - y = y$; она только ордината, как таковая (die Ordinate); имеется лишь одно определение и один закон ординаты.

Но кроме того, [два] противоположных суть не только одно безразличное, но и *два безразличных*. А именно, как противоположные они также рефлексированные в себя и таким образом остаются разными.

Так, в [выражении] $-8 + 3$ имеется вообще 11 единиц; $+y$ и $-y$ суть ординаты на противоположных сторонах оси, где каждая есть наличное бытие, безразличное к этой границе и к своей противоположности; в этом случае $+y - y = 2y$. — Точно так же путь, пройденный на восток

и на запад, есть сумма двойного усилия или сумма двух промежутков времени. Равным образом в политической экономии определенное количество денег или ценностей есть как средство существования не только это одно количество, но и удвоенное: оно средство существования и для заимодавца, и для должника. Государственное имущество исчисляется не только как сумма наличных денег и других недвижимых и движимых ценностей, имеющих в государстве, и тем более не как сумма, остающаяся свободной после вычитания пассивного имущества из активного; капитал, хотя бы его активное и пассивное определение сводилось к нулю, остается, *во-первых*, положительным капиталом, как $+a - a = a$; во-вторых же, поскольку он то пассивный капитал, то дается в заем, то снова дается в заем, он тем самым оказывается весьма приумножающимся средством.

Но противоположные величины — это не только, с одной стороны, просто противоположные вообще, а с другой — реальные или безразличные. Нет, хотя само определенное количество и есть безразлично ограниченное бытие, однако в нем встречается также и положительное в себе, и отрицательное в себе. Например, a , поскольку оно не имеет знака, считается положительным, если перед ним требуется поставить знак. Если бы оно должно было стать лишь противоположным вообще, то его с таким же успехом можно было бы принять и за $-a$. Но положительный знак дается ему непосредственно, так как положительное само по себе имеет свое особое значение непосредственного как тождественного с собой в отличие от противоположения.

Далее, когда положительные и отрицательные величины складываются или вычитаются, они принимаются за сами по себе положительные и отрицательные, а не за становящиеся такими лишь через отношение сложения или вычитания этим внешним способом. В [выражении] $8 - (-3)$ первый минус *противопоставляется* восьми, а второй минус (-3) есть противоположный *в себе*, вне этого отношения.

Отчетливее обнаруживается это в умножении и делении; здесь положительное следует брать по существу своему как *непротивоположное*, отрицательное же — как противоположное и не брать оба определения одинаково лишь как противоположные вообще. Так как учебники при

доказательстве правил о знаках в обоих этих арифметических действиях не идут дальше понятия противоположных величин вообще, то эти доказательства неполны и запутываются в противоречиях. — Но в умножении и делении плюс и минус приобретают более определенное значение положительного и отрицательного в себе, так как отношение множителей друг к другу как единицы и численности — это не просто отношение увеличения и уменьшения, как при сложении и вычитании, а есть качественное отношение, вследствие чего плюс и минус также приобретают качественное значение положительного и отрицательного. — Если не принимать во внимание этого определения и исходить только из понятия противоположных величин, то легко можно вывести ложное заключение, что если $-a \cdot +a = -a^2$, то, наоборот, $+a \cdot -a = +a^2$. Так как один из множителей означает численность, а другой — единицу, причем за первую принимается обычно первый множитель, то оба выражения $-a \cdot +a$ и $+a \cdot -a$ различаются тем, что в первом $+a$ есть единица и $-a$ численность, а во втором наоборот. По поводу первого обычно говорят, что если $+a$ должно быть взято $-a$ раз, то $+a$ берется не просто a раз, а в то же время противоположным ему образом, т. е. $-a$ раз $+a^{36}$; поэтому, так как здесь имеется $+a$, то его следует брать отрицательно, и произведение есть $-a^2$. — Если же во втором случае $-a$ должно быть взято $+a$ раз, то $-a$ равным образом следовало бы брать не $-a$ раз, а в противоположном ему определении, т. е. $+a$ раз. Следовательно, рассуждая, как и в первом случае, произведение должно было быть $+a^2$. — То же самое имеет место и при делении.

Это заключение необходимо, поскольку плюс и минус берутся лишь как противоположные величины вообще; минусу в первом случае приписывается способность изменять плюс; во втором же случае плюс не должен был бы иметь такую способность по отношению к минусу, несмотря на то что он такое же *противоположное* определение величины, как и минус. И в самом деле, плюс не обладает такой силой, потому что он должен быть здесь взят по своему качественному определению относительно минуса, поскольку отношение между множителями качественное. Постольку, следовательно, отрицательное есть здесь противоположное в себе, противоположное, как такое, а положительное — неопределенное, безразличное во-

обще; правда, оно также и отрицательное, но отрицательное иного, а не в самом себе. — Определение как отрицание получается, стало быть, лишь через отрицательное, а не через положительное.

Точно так же и $-a \cdot -a = +a^2$, потому что отрицательное a должно быть взято не просто противоположным образом (ведь именно так оно должно было бы быть взято при умножении на $-a$), а отрицательно. Отрицание же отрицания есть положительное.

С. ПРОТИВОРЕЧИЕ

1. *Различие* вообще содержит обе свои стороны как моменты; в *разности* они *безразлично* распадаются; в *противоположности*, как таковой, они стороны различия, определенные лишь одна через другую, стало быть, лишь моменты; но они определены также и в самих себе, безразличные друг к другу и исключают друг друга: они *самостоятельные рефлексивные определения*.

Одна сторона есть *положительное*, другая же — *отрицательное*, но первая — как положительное в самом себе, а вторая — как отрицательное в самом себе. Безразличной самостоятельностью каждое в отдельности обладает благодаря тому, что содержит в самом себе соотношение со своим другим моментом; таким образом, оно есть вся замкнутая внутри себя противоположность в целом. — Как такое целое каждое опосредствовано с собой *своим иным* и *содержит* это иное. Но оно, кроме того, опосредствовано с собой *небытием своего иного*; таким образом, оно для себя *сущее единство* и *исключает* из себя иное.

Так как самостоятельное рефлексивное определение исключает другое в том же отношении, в каком оно содержит это другое (и потому оно самостоятельно), то оно, обладая самостоятельностью, исключает из себя свою собственную самостоятельность, ибо последняя состоит в том, чтобы содержать в себе свое другое определение и единственно лишь благодаря этому не быть соотношением с чем-то внешним; но столь же непосредственно эта самостоятельность состоит в том, чтобы быть самой собой и исключать из себя свое отрицательное определение. Самостоятельное рефлексивное определение есть, таким образом, *противоречие*.

Различие вообще есть уже противоречие *в себе*, ибо оно есть *единство* таких [моментов], которые суть лишь

постольку, поскольку они *не одно*, и *разъединение* таких, которые даны лишь как *разъединенные в одном и том же отношении*. Но положительное и отрицательное — это *положенное* противоречие, ибо как отрицательные единства они сами суть полагание самих себя, и в этом полагании каждое есть снятие себя и полагание своей противоположности. — Они составляют определяющую рефлексию как *исключающую*; так как исключение — это *одно* различие и каждое из различных как *исключающее* само есть все исключение, то каждое исключает себя в самом себе.

Если рассматривать каждое из этих двух самостоятельных рефлексивных определений в отдельности, то положительное есть *положенность* как *рефлектированная в равенство с собой*, положенность, которая не есть соотношение с иным, стало быть, удерживается, поскольку положенность *снята и исключена*. Но тем самым положенность делается *соотношением небытия, положенностью*. — Таким образом, оно противоречие, ибо как полагание тождества с собой оно, *исключая* отрицательное, делается *отрицательным* чего-то (*von einem*), следовательно, тем иным, которое оно из себя исключает. Это иное, как исключенное, положено свободным от *исключающего* и тем самым положено как *рефлектированное в себя* и как то, что само исключает. Таким образом, *исключающая рефлексия* — это полагание положительного как *исключающего* иного, так что это полагание есть непосредственно полагание его иного, которое исключает его.

В этом состоит абсолютное противоречие положительного; но это противоречие есть непосредственно абсолютное противоречие отрицательного; полагание обоих есть одна рефлексия. — Отрицательное, рассматриваемое отдельно, в противоположность положительному есть *положенность как рефлектированная в неодинаковость с собой*, отрицательное как отрицательное. Но отрицательное само есть неодинаковое, небытие чего-то иного; следовательно, рефлексия в его неодинаковость — это скорее его соотношение с самим собой. — Отрицание *вообще* есть отрицательное как качество, иначе говоря, *непосредственная* определенность; но отрицательное *как отрицательное* соотнесено со своим отрицательным, со своим иным. Если это отрицательное берут лишь как тождественное с первым, то оно, равно как и первое,

лишь непосредственно; их берут, таким образом, не как иные по отношению друг к другу, стало быть, не как отрицательные; отрицательное вообще не есть нечто непосредственное. — Но кроме того, так как каждое из них есть также то же самое, что и иное, то это соотношение несдинаковых есть точно так же соотношение их тождества.

Следовательно, имеется то же противоречие, что и в положительном, а именно положенность или отрицание как соотношение с собой. Но положительное есть это противоречие лишь *в себе*; отрицательное же есть *положенное* противоречие, ибо в своей рефлексии в себя, заключающейся в том, что оно есть в себе и для себя отрицательное, иначе говоря, что оно как отрицательное тождественно с собой, — в этой своей рефлексии в себя оно имеет то определение, что оно нетождественное, исключение тождества. Оно состоит в том, чтобы быть *тождественным с собой в противоположность тождеству* и тем самым посредством своей исключаящей рефлексии исключать из себя само себя.

Следовательно, отрицательное — это целое (как опирающееся на себя противоположение) противоположение, абсолютное, *несоотносящееся с иным* различие; это различие как противоположение исключает из себя тождество; но тем самым оно исключает само себя, ибо как *соотношение с собой* оно определяет себя как само тождество, которое оно исключает.

2. Противоречие разрешается.

В исключаящей самое себя рефлексии, которую мы рассматривали, положительное и отрицательное снимают каждое в своей самостоятельности самих себя; каждое из них есть просто переход или, вернее, превращение себя в свою противоположность. Это непрерывное исчезание противоположных [моментов] в них самих есть *ближайшее единство*, возникающее благодаря противоречию; это единство есть *нуль*.

Но противоречие содержит не только *отрицательное*, но и *положительное*; иначе говоря, исключаящая самое себя рефлексия есть в то же время *полагающая* рефлексия. Результат противоречия не есть только нуль. — Положительное и отрицательное составляют *положенность* самостоятельности; отрицание их ими же самими снимает *положенность* самостоятельности. Это и есть как раз то,

что в противоречии поистине исчезает в основании (zu Grunde geht)³⁹.

Рефлексия в себя, благодаря которой стороны противоположности становятся самостоятельными соотношениями с собой, есть прежде всего их самостоятельность как *различных* моментов; они, таким образом, суть эта самостоятельность лишь *в себе*, ибо они еще противоположные [моменты]; и то обстоятельство, что они таковы *в себе*, составляет их положенность. Но их исключаящая рефлексия снимает эту положенность, делает их для-себя-сущими самостоятельными [моментами], такими, которые самостоятельны не только *в себе*, но и через свое отрицательное соотношение со своим иным; их самостоятельность, таким образом, также положена. Но кроме того, этим своим полаганием они делаются некоторой положенностью. *Они обрекают себя на исчезновение* (richten sich zu Grunde) тем, что определяют себя как тождественные друг с другом, но в этом тождестве [определяют себя] скорее как отрицательное, как такое тождественное с собой, которое есть соотношение с иным.

Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что эта исключаящая рефлексия есть не только такое формальное определение. Она *в-себе-сущая* самостоятельность и снятие этой положенности и лишь через это снятие — для-себя-сущее и действительно самостоятельное единство. Благодаря снятию инобытия или положенности положенность, отрицательное иного оказывается, правда, снова наличной. Но на самом деле это отрицание не есть снова лишь первое, непосредственное соотношение с иным, есть положенность не как снятая непосредственность, а как снятая положенность. Исключаящая рефлексия самостоятельности, будучи исключаящей, делается положенностью, но точно так же есть снятие своей положенности. Она снимающее соотношение с собой; в этом соотношении она, *во-первых*, снимает отрицательное и, *во-вторых*, полагает себя как отрицательное; и только лишь это есть то отрицательное, которое она снимает; снимая отрицательное, она в одно и то же время полагает и снимает его. *Само исключаящее определение* есть для себя, таким образом, то *иное*, отрицание которого она есть; снятие этой положенности не есть поэтому снова положенность как отрицательное чего-то иного, а есть слияние с самим собой, которое составляет положительное единство с со-

бой. Самостоятельность, таким образом, — это единство, возвращающееся в себя через *свое собственное* отрицание, так как она возвращается в себя через отрицание *своей* положенности. Она единство сущности, заключающееся в том, что она тождественна с собой не через отрицание иного, а через отрицание самой себя.

3. С этой положительной стороны, с которой самостоятельность как исключаяющая рефлексия делается в противоположности положенностью, а также снимает ее, противоположность не только исчезла в *основании*, но и возвратилась в *свое основание*. — Исключаяющая рефлексия самостоятельной противоположности делает эту противоположность чем-то отрицательным, лишь положенным; этим она низводит свои сначала самостоятельные *определения*, положительное и отрицательное, до таких определений, которые суть *только определения*; и, становясь таким образом положенностью, положенность вообще возвращается в свое единство с собой; она *простая сущность*, но сущность как *основание*. Благодаря снятию внутренне противоречивых определений сущности сущность восстановлена, однако с определением — быть исключаяющим единством рефлексии, простым единством, определяющим само себя как отрицательное, но в этой положенности непосредственно равным самому себе и слившимся с собой.

Следовательно, благодаря своему противоречию самостоятельная противоположность *возвращается* сначала в основание; она то первое, непосредственное, с которого начинают, и снятая противоположность или снятая положенность сама есть некоторая положенность. Тем самым *сущность как основание есть положенность, нечто ставшее*. Но напротив того, оказалось положенным лишь то, что противоположность или положенность есть нечто снятое, дана лишь как положенность. Следовательно, сущность как основание — это рефлексия, исключаяющая так, что сущность делает самое себя положенностью, что противоположность, с которой раньше начали и которая была тем, что непосредственно, есть лишь положенная, определенная самостоятельность сущности, и что эта противоположность есть лишь то, что снимает себя в себе самом, а сущность — то, что рефлексировано в своей определенности в себя. Сущность как основание исключает *себя* из самой себя, она полагает *себя*; ее положенность — которая есть то, что исключено, — дана лишь как

положенности, как тождество отрицательного с самим собой. Это самостоятельное есть отрицательное, *положенное* как отрицательное, оно нечто противоречащее самому себе, остающееся поэтому непосредственно в сущности как в своем основании.

Разрешенное противоречие есть, следовательно, основание, сущность как единство положительного и отрицательного. В противоположности определение достигло самостоятельности; основание же есть этавершенная самостоятельность; отрицательное есть в нем самостоятельная сущность, но как отрицательное; таким образом, основание в такой же степени положительное, как и то, что тождественно с собой в этой отрицательности. Поэтому противоположность и ее противоречие столь же сняты в основании, как и сохранены. Основание — это сущность как положительное тождество с собой, однако такое тождество, которое в то же время соотносится с собой как отрицательность, следовательно, определяет себя и делается исключенной положенностью; но эта положенность есть вся самостоятельная сущность, а сущность — это основание как тождественное с самим собой и положительное в этом своем отрицании. Следовательно, противоречащая себе самостоятельная противоположность сама уже была основанием; прибавилось лишь определение единства с самим собой, которое появляется благодаря тому, что каждый из самостоятельных противоположных [моментов] снимает сам себя и делается своим иным, стало быть, исчезает в основании, но в этом исчезновении сливается в то же время лишь с самим собой, следовательно, в своей гибели, т. е. в своей положенности или в отрицании есть скорее лишь рефлексированная в себя, тождественная с собой сущность.

Примечание 1

[Единство положительного и отрицательного]

Положительное и отрицательное — это одно и то же. Выражение это принадлежит *внешней рефлексии*, поскольку она проводит *сравнение* этих двух определений. Но не следует проводить внешнее сравнение между этими определениями, равно как и между другими категориями, а их надлежит рассматривать в них же самих, т. е. должно рассмотреть, в чем состоит их собственная

рефлексия. Что же касается этой рефлексии, то обнаружилось, что каждое из них по существу своему имеет свою видимость (*ist das Scheinen*) в ином и даже есть полагание себя как иного.

Но представлению, поскольку оно рассматривает положительное и отрицательное не так, каковы они в себе и для себя, можно во всяком случае посоветовать провести сравнение, для того чтобы обратить его внимание на несостоятельность этих различных [определений], которые оно признает прочно противостоящими друг другу. Уже незначительного опыта в рефлектирующем мышлении достаточно, чтобы удостовериться в том, что если нечто было определено как положительное, то, когда идут от этой основы дальше, это положительное тотчас же непосредственно превращается в отрицательное и, наоборот, отрицательно определенное — в положительное и что рефлектирующее мышление запутывается в этих определениях и становится противоречащим себе. Те, кто не знает природы этих определений, придерживаются мнения, будто эта путаница неправомерна, что ее не должно быть, и объясняют ее субъективной погрешностью. Действительно, этот переход [одного в другое] остается просто путаницей, покуда не осознается необходимость этого превращения. — Но и внешняя рефлексия легко может сообразить, что, во-первых, положительное — это не непосредственно тождественное, а с одной стороны, нечто противоположное отрицательному, и оно лишь в этом отношении имеет значение, следовательно, само отрицательное заключено *в его понятие*, с другой же стороны, оно в самом себе есть соотносящееся с собой отрицание чистой положенности или отрицательного, следовательно, само есть внутри себя *абсолютное отрицание*. — Равным образом отрицательное, противостоящее положительному, имеет смысл лишь в указанном соотношении с этим своим иным; следовательно, оно содержит его *в своем понятие*. Но и без соотношения с положительным отрицательное *самостоятельно удерживается* (*hat eigenes Bestehen*); оно тождественно с собой; но в таком случае оно само есть то, чем должно было быть положительное.

Противоположность между положительным и отрицательным понимают главным образом так, что положительное (хотя оно по своему названию выражает *предположенность* (*Poniertsein*) и *положенность*) есть нечто

объективное, а отрицательное — нечто субъективное, принадлежащее лишь внешней рефлексии, ничуть не касающееся объективного, в себе и для себя сущего, и совершенно не существующее для него. Действительно, если отрицательное выражает собой лишь абстракцию, созданную субъективным произволом, или определение, возникшее в результате внешнего сравнения, то оно, разумеется, не существует для объективного положительного, т. е. это положительное не соотносено в самом себе с такой пустой абстракцией; но в таком случае определение, что оно есть нечто положительное, также лишь внешне ему. — Так, чтобы привести пример неподвижной противоположности этих определений рефлексии, мы укажем, что *свет* считается вообще только положительным, а *тьма* — только отрицательным. Но свет в своем бесконечном распространении и в силе своей развертывающей и животворящей действительности обладает по своему существу природой абсолютной отрицательности. Напротив, тьма, как лишенное многообразия или как лоно порождения, само себя не различающее внутри себя, есть простое тождественное с собой, положительное. Ее принимают за чисто отрицательное в том смысле, что как простое отсутствие света она совершенно не существует для света, так что свет, соотносясь с ней, соотносится не с чем-то иным, а единственно лишь с самим собой, следовательно, тьма лишь исчезает перед ним. Но как известно, свет становится тусклым от темноты, и помимо этого чисто количественного изменения он претерпевает и качественное изменение: благодаря соотношению с тьмой он определяется как цвет.

Точно так же и *добродетель*, например, не существует без борьбы; скорее она высшая, совершенная борьба; в этом смысле она не только положительное, но и абсолютная отрицательность; она также добродетель не только в *сравнении* с пороком, а *в самой себе* есть противоположение и борение. Или, наоборот, *порок* не только *отсутствии* добродетели — ведь и невинность есть такое отсутствие — и отличается от добродетели не только для внешней рефлексии, но и в самом себе противоположен ей, есть *зло*. Зло в противоположность добру состоит в самодовлении (*in dem Beruhen auf sich*); зло — положительная отрицательность. Невинность же, как отсутствие и добра, и зла, безразлична к обоим определениям, она ни положительна,

ни отрицательна. Но в то же время это отсутствие надлежит брать и как определенность, и, с одной стороны, ее следует рассматривать как положительную природу чего-то, а с другой — она соотносится с чем-то противоположным, и все существа выходят из своего состояния невинности, из своего безразличного тождества с собой, соотносятся через самих себя со своим иным и тем самым обрекают себя на исчезновение или, в положительном смысле, возвращаются в свое основание. — *Истина* как соответствующее объекту знание также есть положительное, но она это равенство с собой лишь постольку, поскольку знание отнеслось отрицательно к иному, проникло собой объект и сняло составляющее его отрицание. *Заблуждение* есть нечто положительное как уверенное в себе и отстаивающее себя мнение относительно того, что не есть в себе и для себя сущее. Неведение же — это либо то, что безразлично к истине и заблуждению, стало быть, не определенное ни как положительное, ни как отрицательное, и определение его как отсутствия принадлежит внешней рефлексии, либо же как объективное, как свойственное кому-то определение оно обращенное против себя побуждение — нечто отрицательное, содержащее в себе положительное направление. — Одно из важнейших познаний — это постигать и придерживаться того взгляда на эту природу рассматриваемых рефлексивных определений, что их истина состоит лишь в их соотношении друг с другом и, стало быть, в том, что каждое из них в самом своем понятии содержит другое; без знания этого нельзя, собственно говоря, сделать и шагу в философии.

Примечание 2

[Положение об исключенном третьем]

Определение противоположности также было превращено в положение, в так называемое *положение об исключенном третьем*.

Нечто есть либо А, либо не-А, третьего не дано.

Это положение означает, *во-первых*, что все есть нечто *противоположное*, нечто *определенное* либо как положительное, либо как отрицательное. — Это важное положение, необходимость которого состоит в том, что тож-

дество переходит в разность, а разность — в противоположение. Однако это положение обычно понимают не в указанном смысле, а лишь в том смысле, что из всех предикатов вещи присущ либо сам данный предикат, либо его небытие. Противоположное означает здесь лишь отсутствие или, вернее, *неопределенность*, и положение это столь незначительно, что не стоит даже высказывать его. Если взять определения «сладкое», «зеленое», «четырёхугольное» — а брать следует, мол, все предикаты — и затем говорится о духе, что он либо сладок, либо несладок, либо зеленый, либо незеленый и т. д., то это ни к чему не приводящая тривиальность. Определенность, предикат, соотносится с чем-то; нечто определено — это высказывается в положении; в нем определенность необходимо должна определить себя точнее, должна стать определенностью *в себе*, противоположением. Но вместо этого положение в указанном выше тривиальном смысле только переходит от определенности к ее небытию вообще, возвращается к неопределенности.

Положение об исключенном третьем отличается, далее, от рассмотренного выше положения о тождестве или противоречии, которое гласило: нет ничего такого, что было бы *в одно и то же время* A и $не-A$. Положение об исключенном третьем утверждает, что *нет* ничего такого, что не было бы *ни* A , *ни* $не-A$, что нет такого третьего, которое было бы безразлично к этой противоположности. В действительности же *имеется* в самом этом положении третье, которое безразлично к этой противоположности, а именно само A . Это A не есть *ни* $+A$, *ни* $-A$, но равным образом есть и $+A$, и $-A$. — Нечто, которое должно быть либо $+A$, либо $не-A$, соотнесено, стало быть, и с $+A$, и с $не-A$; и опять-таки утверждают, что, будучи соотнесено с A , оно *не* соотнесено с $не-A$, равно как оно не соотнесено с A , если оно соотнесено с $не-A$. Итак, само нечто есть то третье, которое должно было бы быть исключено⁴⁰. Так как противоположные определения столь же положены в нечто, как и сняты в этом полагании, то третье, имеющее здесь образ безжизненного нечто, есть, если постичь его глубже, единство рефлексии, в которое как в основание возвращается противоположение.

Примечание 3
[Положение о противоречии]

Итак, если первые рефлексивные определения — тождество, разность и противоположение — нашли свое выражение в одном положении, то тем более должно было бы быть охвачено и выражено в одном положении то определение, в которое они переходят как в свою истину, а именно *противоречие: все вещи сами по себе противоречивы*, причем в том смысле, что это положение сравнительно с прочими скорее выражает истину и сущность вещей. — Противоречие, выступающее в противоположении, — это лишь развитое ничто, содержащееся в тождестве и встретившееся в выражении, что положение о тождестве *ничего* не говорит. Это отрицание определяется далее как разность и как противоположение, которое и есть положенное противоречие.

Но один из основных предрассудков прежней логики и обыденного представления — это мнение, будто противоречие не такое существенное (*wesenhafte*) и имманентное определение, как тождество; но если уж речь идет об иерархии и оба определения надо сохранить как отдельные, то противоречие следовало бы признать более глубоким и более существенным. Ибо в противоположность ему тождество есть лишь определение простого непосредственного, определение безжизненного бытия; противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно.

Обычно противоречие, во-первых, устраняют из вещей, из сущего и истинного вообще, утверждая, что *нет ничего противоречивого*. Во-вторых, оно, напротив, вытесняется в субъективную рефлексю, которая будто бы полагает его лишь своим соотнесением и сравнением. Но собственно говоря, и в этой рефлексии его нет, ибо *противоречивое*, уверяют, нельзя ни *представить* себе, ни *мыслить*. Вообще противоречие, будь это в сфере действительного или в мыслящей рефлексии, признается случайностью, как бы ненормальностью и преходящим пароксизмом.

Что касается утверждения, будто противоречия *нет*, будто оно не существует, то такого рода заверение не должно нас тревожить; абсолютное определение сущно-

сти должно иметь место во всяком опыте, во всем действительном, равно как и в любом понятии. Выше, говоря о *бесконечном*, которое есть противоречие, обнаруживающееся в сфере бытия, было уже указано на нечто подобное. Но обыденный опыт сам свидетельствует о том, что *имеется* по меньшей мере *множество* противоречивых вещей, противоречивых устройств и т. д., противоречие которых находится не только во внешней рефлексии, а в них самих. Но кроме того, противоречие не следует считать просто какой-то ненормальностью, встречающейся лишь кое-где: оно есть отрицательное в своем существенном определении, принцип всякого самодвижения, состоящего не более как в изображении противоречия. Само внешнее чувственное движение есть непосредственное наличное бытие противоречия. Нечто движется не так, что оно в этом «теперь» находится здесь, а в другом «теперь» там, а только так, что оно в одном и том же «теперь» находится здесь и не здесь, в одно и то же время находясь и не находясь в этом «здесь». Необходимо согласиться с древними диалектиками, что указанные ими противоречия в движении действительно существуют; но отсюда не следует, что движения поэтому нет, а следует, напротив, что движение — это само *налично сущее* противоречие.

Равным образом внутреннее, подлинное самодвижение, *побуждение* вообще (стремление или напряжение монады, энтелехия абсолютно простой сущности) — это только то, что нечто *в самом себе* и его отсутствие, *отрицательное его самого* суть в одном и том же отношении. Абстрактное тождество с собой еще не есть жизненность; оттого, что положительное есть в себе самом отрицательное, оно выходит вон себя и начинает изменяться. Таким образом, нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его. Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении в то же время перейти в свое отрицательное [определение] и удержать одно в другом, если оно не способно иметь в самом себе противоречие, то оно не живое единство, не основание, а погибает (*geht zu Grunde*) в противоречии. — *Спекулятивное мышление* состоит лишь в том, что мышление удерживает противоречие и в нем — само себя, а не в том, чтобы, как это свойственно представлению, позволять

противоречию господствовать над ним и растворять его определения лишь в другие определения или в ничто⁴¹.

Если в движении, побуждении и т. п. противоречие скрыто от представления за *простотой* этих определений, то, наоборот, в *определениях отношения* противоречие выступает непосредственно. Если взять самые тривиальные примеры: верх и низ, правое и левое, отец и сын и т. д. до бесконечности, то все они содержат противоположность в одном. Верх *есть* то, что *не* есть низ; определение верха состоит лишь в том, чтобы не быть низом; верх *есть* лишь постольку, *поскольку* есть низ, и наоборот; в одном определении заключается его противоположность. Отец есть иное сына, а сын — иное отца, и каждый дан лишь как это иное иного; и в то же время одно определение имеется лишь в соотношении с другим; их бытие — это единое наличие (Bestehen). Отец и вне соотношения с сыном есть нечто самостоятельное, но в этом случае он не отец, а мужчина вообще; равным образом верх и низ, правое и левое суть также рефлексированные в себя, суть нечто и вне соотношения, но [в таком случае] они лишь места вообще. — Противоположные [определения] содержат противоречие постольку, поскольку они в одном и том же отношении соотносятся друг с другом отрицательно или *снимают друг друга и безразличны* друг к другу. Представление, переходя к моменту *безразличия* этих определений, забывает в нем их отрицательное единство и тем самым оставляет их лишь как разные вообще; в таком определении правое уже не правое, левое уже не левое и т. д. Но поскольку представление в самом деле имеет перед собой правое и левое, оно имеет перед собой эти определения как отрицающие себя одно в другом и в то же время и как не отрицающие себя в этом единстве, а [имеет] каждое как безразличное для себя сущее.

Поэтому представление всюду имеет, правда, своим содержанием противоречие, но не доходит до осознания его; представление *остается* внешней рефлексией, переходящей от одинаковости к неодинаковости или от отрицательного соотношения к рефлексированности различных [определений] в себя. Внешняя рефлексия сопоставляет эти два определения внешним образом и имеет в виду *лишь их*, а не [их] *переход*, который составляет суть и содержит противоречие. — *Остроумная* же рефлексия —

скажем здесь и о ней — состоит в схватывании и высказывании противоречия. Хотя она и не выражает *понятия* вещей и их отношений, а имеет своим материалом и содержанием лишь определения представления, она все же приводит их в такое соотношение, в котором содержится их противоречие, и тем самым дает *их* *понятию* просвечивать *сквозь* это противоречие. — Но *мыслящий* разум заостряет, так сказать, притупившееся различие разного, простое многообразие представления, до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь доведенные до крайней степени противоречия, многообразные [моменты] становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности ⁴².

Касаясь *онтологического доказательства бытия бога*, мы отметили ⁴³, что исходное его определение — это «совокупность всех реальностей». Относительно этого определения обычно указывают прежде всего то, что оно *возможно*, так как оно, мол, не содержит никакого *противоречия*, потому что реальность берется [в этом доказательстве] лишь как безграничная реальность. Мы отметили выше, что этим указанная совокупность превращается в простое неопределенное бытие или, если реальности берутся действительно как многие определенные [реальности], — в совокупность всех отрицаний. При более тщательном различении реальности различие ее превращается из разности в противоположность и тем самым в противоречие, а совокупность всех реальностей вообще — в абсолютное внутреннее противоречие. Обычный *логос* [страх], который представляющее, не-спекулятивное мышление испытывает перед противоречием, как природа перед *вакуум* [пустотой], отвергает этот вывод, ибо такое мышление не идет дальше одностороннего рассмотрения *разрешения* противоречия в *ничто* и не познает его положительной стороны, с которой противоречие становится *абсолютной деятельностью* и абсолютным основанием.

Из рассмотрения природы противоречия вообще следовало, что если в той или иной вещи можно обнаружить противоречие, то это само по себе еще не есть, так сказать, изъян, недостаток или погрешность этой вещи. Наоборот, каждое определение, каждое конкретное, каждое понятие есть по своему существу единство различных

и различных моментов, которые благодаря *определенному, существенному различию* становятся противоречивыми. Это противоречивое действительно разрешается в ничто, оно возвращается в свое отрицательное единство. Вещь, субъект, понятие есть именно само это отрицательное единство; оно нечто в себе самом противоречивое, но точно так же и *разрешенное противоречие*; оно *основание*, которое содержит свои определения и есть их носитель. Вещь, субъект или понятие, будучи в своей сфере рефлексированы в себя, суть свои разрешенные противоречия, но вся их сфера опять-таки есть *определенная, разная* сфера, а потому она конечна и, значит, *противоречива*. Не она сама есть разрешение этого более высокого противоречия, а она имеет своим отрицательным единством, своим основанием более высокую сферу. Поэтому конечные вещи в своем безразличном многообразии вообще таковы, что они противоречивы в себе самих, *надломлены внутри себя и возвращаются в свое основание*. — Как это будет выяснено в дальнейшем, истинное заключение от конечного и случайного к абсолютно необходимой сущности состоит не в том, чтобы заключать от конечного и случайного как от бытия, *лежащего и остающегося лежать в основании*, а в том, что (и это непосредственно присуще *случайности*) заключают от лишь надломленного (*fallenden*), *противоречащего себе в себе самом бытия* к чему-то абсолютно необходимому, или состоит скорее в том, что показывают, что случайное бытие в себе самом возвращается в свое основание, в котором оно снимает себя, и что, далее, этим возвращением оно полагает основание лишь так, что оно скорее делает само себя положенным. В обычном умозаключении *бытие* конечного являет себя как основание абсолютного; именно потому, что *есть* конечное, есть и абсолютное. Но истина состоит в том, что абсолютное есть именно потому, что конечное есть в себе самой противоречивая противоположность, потому, что оно *не есть*. В первом смысле умозаключение гласит: *бытие* конечного — это *бытие* абсолютного; в последнем же смысле оно гласит: *небытие* конечного — это *бытие* абсолютного.